

ЭРИХ ФРОММ

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ СЕБЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Будьте светом для самих себя. Кто обрящет свет и прибежище в истине и не станет искать их ни в чем ином, кроме самого себя, тот будет истинным учеником моим, вступившим на истинный путь.

Будда

Истинные слова всегда кажутся парадоксальными, но заменить их никакая другая форма учения не может.

Лао-цзы

- А кого же ты считаешь подлинными философами?
- Тех, кто любит усматривать истину.

*Платон*¹

Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения, — сказал Господь через Осию, — так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя...²

Если же путь, который, как я показал, ведет к этому и кажется весьма трудным, однако все же его можно найти. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особенного труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко.

*Спиноза*³

---

¹ *Платон*. Соч. в 3 т. Т. 3. Государство. М.: Мысль, 1968. С. 278. Пер. А. Н. Егунова.

² Библия, Ос. 4:6.

³ *Спиноза Б.* Избр. произв. в 2 т. Т. 1. Этика. М.: Политиздат, 1957. С. 618. Пер. с лат. Н. А. Иванцова под ред. В. В. Соколова.

Предисловие

Эта книга во многих отношениях является продолжением «Бегства от свободы», где я пытался проанализировать бегство современного человека от себя самого и своей свободы; в этой книге я обсуждаю проблемы этики, норм и ценностей, относящиеся к реализации человеком своего истинного Я и своего потенциала. Повторение некоторых идей, изложенных в «Бегстве от свободы», в данной книге неизбежно, и хотя я старался по возможности сократить совпадающие рассуждения, полностью опустить их невозможно. В главе, посвященной человеческой природе и характеру, я касаюсь тем характерологии, не затрагивавшихся в предыдущей книге, и ограничиваюсь только кратким указанием на обсуждавшиеся там проблемы. Читателю, желающему ознакомиться с полной картиной моей характерологии, следует прочесть обе книги, хотя для понимания настоящей работы это не является необходимым.

Многим читателям может показаться удивительным, что психоаналитик занимается проблемами этики и, в частности, утверждает, что психология должна не только опровергать ложные этические представления, но и может, помимо

этого, служить основой разработки объективных и обоснованных норм поведения. Эта позиция противоречит традиции, преобладающей в современной психологии, ориентированной на «приспособление» в противовес «добродетели» и придерживающейся этического релятивизма. Опыт практикующего психоаналитика подтверждает мое убеждение в том, что проблемы этики нельзя упускать из рассмотрения при изучении личности как теоретически, так и терапевтически. Наши действия определяются теми ценностными суждениями, которые мы делаем, и от их правильности зависит наше психическое здоровье и счастье. Рассматривать оценки лишь как рационализацию бессознательных, иррациональных устремлений — хотя они могут быть и таковыми тоже, — значит ограничивать и искажать картину нашей целостной личности. Сам по себе невроз в конечном счете является симптомом нравственного нарушения (хотя «приспособление» ни в коей мере не является симптомом морального достижения). Во многих случаях невротический симптом — специфическое выражение нравственного конфликта, и успех терапевтического вмешательства зависит от понимания и разрешения моральных проблем человека.

Отделение психологии от этики произошло отнюдь недавно. Великие мыслители прошлого, гуманисты и моралисты, на чьих трудах основана эта работа, были философами и психологами; они верили, что понимание природы человека и понимание норм и ценностей человеческой жизни взаимозависимы. С другой стороны, З. Фрейд

и его последователи, хотя и внесли неоценимый вклад в прогресс этической мысли, развенчав иррациональные ценностные суждения, в отношении ценностей заняли релятивистскую позицию, которая оказала негативное влияние не только на развитие теории этики, но и на прогресс психологии как таковой.

Наиболее заметное исключение из этого направления психоанализа представляют собой работы К. Г. Юнга. Он осознал, что психология и психотерапия тесно связаны с философскими и нравственными проблемами человека. Однако, хотя это признание чрезвычайно важно само по себе, философская ориентация Юнга вела только к возражениям Фрейдю, а не к философски ориентированной психологии, выходящей за рамки учения Фрейда. Для Юнга «бессознательное» и миф стали новыми источниками откровения; предполагалось, что они выше рациональной мысли как раз в силу своего нерационального происхождения. Сила монотеистических религий Запада, как и великих религий Индии и Китая, заключалась в претензии на обладание истиной и в утверждении, что их вера единственно истинная. Хотя такие убеждения часто вызывали фанатичную нетерпимость по отношению к другим религиям, в то же время они внушали как приверженцам, так и противникам данного учения уважение к истине. В своем эклектичном преклонении перед любой религией Юнг отказался от поиска истины в своей теории. Для него равную ценность имели любая система, лишь бы она была нерациональной,

любой миф и любой символ. Юнг в отношении религии является релятивистом — сторонником негативного, а не противостоящего рациональности релятивизма, с которым он столь яростно сражался. Иррациональность, какими бы психологическими, философскими, расовыми или политическими терминами она ни маскировалась, есть не прогресс, а реакция. Поражение рационализма XVIII—XIX веков было связано не с верой в разум, а с узостью его концепций. Не псевдорелигиозный обскурантизм, не ослабление, а усиление позиций разума и упорный поиск истины — вот то, что может исправить ошибки одностороннего рационализма.

Психология не может быть отделена от философии и этики, как и от социологии и экономики. Тот факт, что в этой книге я подчеркиваю значение философских проблем психологии, не означает, что я полагаю социоэкономические факторы менее значимыми; такая односторонность объясняется исключительно задачами изложения материала, и я надеюсь опубликовать другую работу по социальной психологии, посвященную взаимодействию психологических и социоэкономических факторов.

Может показаться, что психоаналитик, имеющий возможность наблюдать стойкость и упорство иррациональных побуждений, должен пессимистически смотреть на способность человека управлять собой и освобождаться от уз иррациональных страстей. Должен признаться, что при аналитической работе я все больше поражаюсь противопо-

ложному феномену: силе стремления к счастью и здоровью, данного человеку от природы. «Лечение» означает устранение препятствий, которые мешают успеху этого стремления. Действительно, меньше оснований удивляться большому числу невротиков, чем тому феномену, что большинство людей относительно здоровы, несмотря на обилие нежелательных воздействий, которым они подвергаются.

Представляется уместным предостеречь читателя. Сегодня многие ожидают, что в книгах по психологии найдут рецепт достижения «счастья» или «спокойствия души». Данная книга не содержит подобных советов. Она — теоретическая попытка прояснить проблемы этики и психологии, ее цель — скорее побудить читателя задать себе вопросы, чем успокоить его.

Я не могу в достаточной мере выразить свою благодарность тем друзьям, коллегам и ученикам, чья поддержка и советы помогли мне в написании этой книги. Однако я хочу особенно поблагодарить тех, кто оказал в этом непосредственную помощь. Совершенно бесценной была помощь мистера Патрика Малахи; они с доктором Альфредом Сейдеманом сделали многие вдохновляющие предложения и критические замечания в связи с философскими вопросами, затронутыми в этой книге. Я в большом долгу перед профессором Дэвидом Рисменом за многие конструктивные советы и перед мистером Дональдом Слесинджером, существенно улучшившим удобочитаемость рукописи. Больше всего я обязан своей жене, которая

помогала выверить текст и сделала много ценных предложений по расположению материала, особенно в том, что касается позитивных и негативных аспектов непродуктивной ориентации.

Хочу поблагодарить редакторов журналов «Психиатрия» и «Американское социологическое обозрение» за разрешение использовать в данной книге мои статьи «Себялюбие и своекорыстие», «Вера как черта характера» и «Индивидуальные и социальные причины невроза».

Кроме того, хочу поблагодарить следующих издателей за привилегию использовать многочисленные отрывки из их публикаций: «Совет христианского образования»; «Вестминстер пресс» (Филадельфия); «Рэндом Хаус» (Нью-Йорк); издателей «Правил христианской религии» Иоганна Кальвина в переводе Дж. Аллена; «Современную библиотеку» за «Девять пьес» Генрика Ибсена; Альфреда А. Кнопфа (Нью-Йорк) за «Процесс» Ф. Кафки в переводе Э. И. Муира; сыновей Ч. Скрибнера (Нью-Йорк) за «Избранные произведения Спинозы» под редакцией Дж. Уайльда; «Оксфорд юниверсити пресс» (Нью-Йорк) за «Этику» Аристотеля в переводе У. Д. Росса; «Генри Холт компани» (Нью-Йорк) за «Принципы психологии» У. Джемса; «Эпплтон сенчури компани» (Нью-Йорк) за «Основания этики» Г. Спенсера.

I

Проблема

Знаниями, разумеется, — сказал я. — Только бы, друг мой, не надул нас софист, выхваляя то, что продает, как те купцы или разносчики, что торгуют телесною пищей. Потому что и сами они не знают, что в развозимых ими товарах полезно, а что вредно для тела, но расхваливают все ради продажи; и покупающие у них этого не знают, разве случится кто-нибудь сведущий в гимнастике или врач. Так же и те, что развозят знания по городам и продают их оптом и в розницу всем желающим, хотя они и выхваляют все, чем торгуют, но, может быть, друг мой, из них некоторые и не знают толком, хорошо ли то, что они продают, или плохо для души; и точно так же не знают и покупающие у них, разве лишь случится кто-нибудь сведущий в врачевании души. Так вот, если ты точно знаешь, что здесь полезно, а что — нет, тогда тебе не опасно приобретать знания и у Протагора, и у кого бы то ни было другого; если же нет, то смотри, друг мой, как бы не проиграть самого для тебя дорогого. Потому что ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного.

*Платон*¹

---

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Протагор. М.: Мысль, 1994. С. 194-195. Пер. В. С. Соловьева.

Дух гордости и оптимизма отличает западную культуру в последние два столетия: гордости разумом как инструментом понимания природы и властвования над ней, оптимизма в отношении исполнения самых заветных надежд человечества, достижения величайшего счастья для огромного множества людей.

Гордость человека оправданна. Благодаря своему разуму он построил материальный мир, действительность в котором превосходит мечты и видения сказочников и утопистов. Он подчинил себе физическую энергию, которая позволит человеческой расе обеспечить материальные условия, необходимые для достойного и продуктивного существования, и хотя многие его цели еще не достигнуты, едва ли можно сомневаться в том, что они в пределах досягаемости и что *проблема производства* — которая была проблемой прошлого — в принципе решена. Впервые за свою историю человек видит, что идея единства человеческой расы и подчинения природы в интересах человечества — больше не мечта, а реалистическая возможность. Разве не оправданна его гордость, уверенность в себе и в будущем человечества?

Тем не менее современный человек чувствует тревогу и замешательство. Он трудится и стремится, но испытывает смутное чувство бесплодности своих усилий. В то время как его власть над материей растет, он ощущает бессилие в своей индивидуальной жизни и в обществе. Создавая все новые и лучшие средства овладения природой, он увязает в сетях этих средств и теряет представление о цели, которая единственная придает им значимость, —

человеке как таковом. Став господином природы, он сделался рабом машин, созданных его собственными руками. При всех своих знаниях о материи человек невежествен в самых важных и основополагающих вопросах человеческого существования: что такое человек, как он должен жить, как может быть высвобождена и продуктивно использована огромная энергия, заключенная *в самом* человеке?..

Современный кризис человечества приводит к отступлению от надежд и идей эпохи Просвещения, под знаком которых начался наш политический и экономический прогресс. Сама идея прогресса названа детской иллюзией; вместо нее проповедуется «реализм» — новое слово, означающее полное отсутствие веры в человека. Идея достоинства и могущества человека, которая давала ему силу и смелость для великолепных достижений на протяжении последних нескольких столетий, подвергается сомнению: считается, что необходимо вернуться к признанию полного бессилия и ничтожности человека. Такой взгляд грозит уничтожением самых корней нашей культуры.

Идеи Просвещения учили человека тому, что он может доверять своему разуму как проводнику к установлению правильных этических норм и что он может полагаться на себя, не нуждаясь ни в откровении, ни в руководстве церкви для познания добра и зла. Девиз эпохи Просвещения — «смей знать», означавший «доверяй своему знанию», стал руководством для усилий и достижений современного человека. Растущие сомнения в автономии человека и его разуме создали состояние нравствен-

ной растерянности: человек остался без указаний и откровения, и разума. Результатом этого стало принятие релятивистской позиции, утверждающей, что ценностные суждения и этические нормы есть исключительно дело вкуса или произвольного предпочтения и что в области морали не может быть сделано объективно правильных утверждений. Однако поскольку человек не может жить без ценностей и норм, такой релятивизм делает его легкой добычей иррациональных систем ценностей. Он возвращается к концепциям, которые уже были преодолены греческой философией, христианством, Ренессансом и Просвещением XVIII века. Требования государства, восторженное поклонение магическим качествам всесильных лидеров, могущество машин и материальный успех сделались источниками норм и моральных суждений человека.

Следует ли нам так это и оставить? Должны ли мы согласиться с альтернативой между религией и релятивизмом? Должны ли мы примириться с отказом от разума в вопросах этики? Должны ли мы поверить в то, что выбор между свободой и рабством, между любовью и ненавистью, между истиной и ложью, между целостностью и оппортунизмом, между жизнью и смертью — всего лишь результат субъективных предпочтений?

Однако другая возможность существует. Правильные этические нормы могут быть сформированы человеческим разумом, и только им одним. Человек способен различать добро и зло и приходит к моральным суждениям столь же правильным, как все прочие суждения, вырабатываемые разумом. Великая традиция гуманистической этической мыс-

ли заложила основы ценностных систем, базирующихся на человеческой автономии и разуме. Этические системы строились на предпосылке, согласно которой для того, чтобы понять, что для человека хорошо и что плохо, нужно знать природу человека. Таким образом, эти системы представляли собой фундаментальные психологические исследования.

Если гуманистическая этика основана на знании человеческой природы, современная психология, в особенности психоанализ, должна была бы представлять собой могучий стимул развития гуманистической этики. Однако хотя психоанализ чрезвычайно расширил наше знание о человеке, он не увеличил наших знаний о том, как человек должен жить и что должен делать. Его главной *функцией* оказалась функция «разоблачения», демонстрация того, что ценностные суждения и этические нормы есть рационализированные выражения иррациональных — и часто бессознательных — желаний и страхов и таким образом не могут претендовать на объективную правильность. Хотя такое разоблачение само по себе было весьма ценным, оно становилось все более бесплодным, поскольку не сумело выйти за пределы простой критики.

Психоанализ в попытке утвердить психологию как естественную науку совершил ошибку, отделив ее от проблем философии и этики. Он пренебрег тем фактом, что человеческая личность не может быть понята, если не рассматривать человека в целостности, включая потребность в нахождении ответа на вопрос о смысле его существования и открытии норм, в соответствии с которыми он должен жить. Номо psychologicus Фрейда — такая же нереалисти-